

В. Качоровский

По чужим краям

Издание 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В11

В11 **В. Качоровский**
По чужим краям: Издание 1 / В. Качоровский – М.: Книга по Требованию,
2018. – 333 с.

ISBN 978-5-519-19805-9

Репринтное издание по технологии print-on-demand с оригинала 1944 г.

ISBN 978-5-519-19805-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2018

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2018

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Посвящается
княгинь
Александръ Семеновъ
УХТОМСКОЙ.

„СНОВИДѢНІЯ”

Николай Георгіевич Черкасов был выброшен девятым валом русскаго бѣженства на берега Тихаго Океана в Соединенные Штаты, гдѣ он пребывал уже болѣе года на разныхъ амплуа, позволявшихъ ему безбѣдно существовать на чужбинѣ со взоромъ устремленнымъ назадъ на оставленную Родину и с непоколебимой увѣренностью туда в недалекомъ будущемъ вернуться. Он умышленно принималъ предложенія работы, носившей временный характеръ, будучи увѣреннымъ, что не за горами часъ, когда он отряхнетъ прахъ со своихъ ногъ и оставитъ чужую землю его пріютившую.

Все было ему чуждо в странѣ янки и, хотя среди его временныхъ и случайныхъ сотоварищей попадались сердечные и милые люди, психологія и образъ жизни ихъ были ему мало понятны и еще менѣе пріемлемы.

Здѣсь, в царствѣ злата, люди были слишкомъ поглощены заботами о приумноженіи капитала, чтобы предаваться вопросамъ сентиментальнаго характера; они много работали и тѣ короткіе часы, что

оставались им для отдыха, проводились в монотонном однообразіи чисто животнаго характера.

Черкасов не осуждал их за это, зная по собственному опыту, как мало было возможности и желанія послѣ тяжелаго рабочаго дня выходить из дому или заниматься чѣм нибудь серьезным. Он прошел через многіе этапы механизации человѣка и приобретенный им опыт заставил его возненавидѣть как машины, так и их изобрѣтателей.

Совершенно не зная языка, он был вынужден начать борьбу за существованіе с физическаго труда, к которому совсѣм не был подготовлен.

Он поступил в Детройтъ на автомобильный завод «Форда», гдѣ должен был на протяженіи своего четырехмѣсячнаго там пребыванія, обрабатывать одну и ту же гайку, стоя в ряду таких же людей-автоматов и работая с точностью машины, дабы не задерживать хода всего аппарата, выпускавшаго сотни автомобилей в день. Всякая с его стороны невнимательность или небрежность отражались на общей работѣ и на его репутациі, а еще больше на жалованьи, уменьшавшемся в обратной пропорціональности к его ошибкам.

Уставал физически и морально и, боясь совершенно утратить человѣчeskій облик, бѣжал с завода и поступил на своеобразную службу «джанитера» — ночного уборщика, в один из шестнадцатиэтажных дѣловых домов города Сан-Франциско в Калифорніи. В домѣ помѣщались однѣ лишь врачевныя конторы и этот «докторскій билдинг» убирался ночным сторожем, начинавшим службу в десять часов вечера и в шесть часов утра ее заканчивавшим.

Только благодаря связям Черкасову удалось получить мѣсто этого «джанитора» и работать, так сказать, в тѣни и в обстановкѣ полного покоя и тишины.

На его попеченіи лежали: шесть корридоров, шесть уборных и сорок восемь контор. В его распорядженіи имѣлось восемь часов — время вполне достаточное, чтобы в ночной тиши обдумать свое бѣженское положеніе, вспомнить прошлое, если на то была охота, и строить планы на будущее.

Стояло зимнее время и в конторах было холодно и сыро, так как паровое отопленіе ночью не функционировало.

Черкасов являлся за пол часа до назначеннаго срока и принимал от дневного уборщика метлу и, так называемую русскими бѣженцами «мапу» — швабру, тряпки, совок для сора и мыло в порошок.

Не мѣлкая брался за работу, начиная с подметанія полов. Собирал папирозные и спгарные окурки и очищал от бумаги мусорныя корзинки. Из шестого этажа спускался в пятый и так доходил до низу, подымаясь вновь наверх с мокрой «мапой», протирая крытые кафельными плитами корридоры и уборныя и лифтеумом — кабинеты.

Когда наступало время для смѣны, всѣ члены до того болѣли и ныли, что жизнь утрачивала всякій интерес. Безсонная ночь замѣнялась тревожным дневным сном, когда всѣ вокруг жили полной жизнью, когда свѣтило солнце и повсюду шла нормальная работа. Он долго не мог привыкнуть к своему ночному труду, утомлявшему его до того, что сон бѣжал прочь от пересутомленнаго тѣла и

предстоящая вечерняя работа была вдвойнѣ тяжела.

Несмотря на все это, Николай Георгіевич не унывал. Он сумѣл перебороть усталость и физическое недомоганіе.

Невозможность навѣщать вечерами друзей, отказ от каких бы то ни было нормальныхъ развлеченій и зрѣлищ в первые дни угнетали, но тот фактъ, что его работа невольника проходила никѣм незамѣченной и многим, даже из близкихъ знакомых, неизвѣстная — его подбадривали и окрыляли на новыя лишенія и тягости.

Ему приходили на память пріятели, работавшіе на городской бойнѣ, гдѣ перед ними проходили безконечной вереницей убитыя туши животных, также как и в Детройтѣ у «Форда» — втулки, гайки и балки, которыя они кромсали всё долгіе восемь часовъ работы, занимаясь срѣзаніем: кто почек, кто печенок и другихъ частей туши, утопая по локти в липкой крови и теряя иногда сознаніе и всегда — вкусъ к мясу.

Другіе служили в так называемыхъ «кафетеріяхъ» и автоматическихъ ресторанахъ, гдѣ проходили тысячи кліентовъ во время краткосрочныхъ завтраковъ в теченіи дѣлового перерыва в конторскихъ занятіяхъ. Там им приходилось перемывать до пяти тысяч тарелокъ в день, послѣ чего их спины с трудомъ разгибались.

Было не мало и другихъ отраслей труда еще горше, чѣмъ его ночная работа труженника — одиночки, и он не считалъ себя в правѣ жаловаться и роптать. И он дѣлалъ свое дѣло с упорствомъ фанатика, вѣря в краткосрочность испытаній.

Минувшій день былъ особенно чреватъ для него

неприятностями. На послѣднем дежурствѣ он забылъ закрыть в верхнем этажѣ кран от проточной воды и она текла из переполненнаго умывальника часами, покуда не залила все конторы и корридоры. Оплошность была им поздно замѣчена и к началу занятій это не удалось ликвидировать. Разговор с разгнѣванными властями был краток и незадачливый «джанитор» шѣл под расчет и полную свободу от почных дежурств. Он приобрѣлъ право нормальнаго сна и впервые за долгіе мѣсяцы провел ночь у себя дома.

Но ему долго не спалось. Привычка дѣлала свое дѣло и он не мог сомкнуть глаз. Чтобы занять себя, он рѣшил перечитать дорогія письма, полученные им в первые годы бѣженства от оставшихся за «Чертополохом» родителей, тогда еще оставшихся в живых и не утративших еще с ним связи. Читал письмо за письмом, переживая каждую строчку их мысленно переносясь в обширныя степи Тавриды, гдѣ протекли его юные годы, гдѣ он вкушал столько радостей, видѣлъ успѣх и горе и откуда уѣхал за-границу, напутствуемый проклятіями и пулями своего собственнаго народа.

Письма прочитаны, но мысль еще долго витала далеко от Сан-Франциско, там, гдѣ среди бушевавшаго моря страстей жили его единомышленники с непоколебимым духом и взором, полным надежд на великое пробужденіе их Родины.

Мало по малу глаза слипались, усталость брала свое и скоро Черкасов утратил всякое представленіе о том, гдѣ он и что с ним.

В одно мгновеніе, с искусством чародѣя, перешагнувъ он за тысячи миль, на десятки лѣтъ назад и дух его жил раздѣльно от тѣла...

...Черкасов смотрѣлъ перед собой и не вѣрля глазам. Неужели это безусое молодое лицо с живыми карими глазами и его с появившимися мѣстами морщинами и с потускнѣвшим взором, одно и то же?

Неужели это он в бѣлоснѣжной рубашкѣ с высоким воротом и с прилегнутыми синими погонами на бѣлой («собственной») подкладкѣ?

Безспорно это так. Узнает себя по старым фотографіям. Он был таким, когда то, там... давно. Ослабѣвшая память много забыла, загроможденная безсмѣнно чередовавшимися событіями.

Безмолвно слѣдил спящій за своим двойником, все больше и больше воскрешая в даль отошедшее прошлое. — Перед ним медленно подымалась завѣса забвенья и он вновь переживал свои золотые дни.

Он — кадет старшаго класса. Еще не перешагнувшій порога юношества, но с горделивым сознанием своей великовозрастности, выразившейся в басовых нотках его переходящаго и еще не установившагося голоса.

Он не поет больше дискантом на хорах церковнаго калпраса и покровительственным тоном отвѣчает на вопросы на год его старше сестры Вѣры, только что окончившей институт и пріѣхавшей, как и он, на лѣтніе каникулы в их родовое имѣніе «Прудки».

Для матери он все еще ребенок ея «Колик» и она не в силах удержаться, чтобы не наставить за обѣдом, чтобы и ѣлъ он побольше и хорошенько пережевывал; не уставал на охотѣ; не сидѣлъ на

сквознякъ и не пил разгоряченный воду. Отец покровительственно улыбается и распространяет об успѣхах в науках, о будущих планах и показывает сыну, что им сдѣлано за истекшій год в усадьбѣ. Как провел он на собственные средства шоссейную дорогу от желѣзнодорожной станціи к усадьбѣ и засадил ее по сторонам фруктовыми деревьями, которыя приносили ему не мало забот, являясь соблазном для мѣстных крестьян, не только кравших фрукты, но ломавших и калѣчивших деревья. Показал ему вновь сооруженную каменную постройку — госпиталь на мѣстѣ деревянной сожженной крестьянами в 1905 году во время аграрных беспорядков. Здѣсь получали бесплатную медицинскую помощь все нуждающіеся, а для серьезно больных имѣлись десять кроватей. Опытный, добросовѣстный студент - медик приемиривал за больными и в случаях эпидемій или тяжелых заболѣваній, ему придавался фельдшер из города.

Усадьба не была доходной и никогда не покрывала расходов по ея содержанию. Приходилось трогать капитал, что тревожило отца, имѣвшаго на руках еще не «оперившихся», как он говорил, сына и дочь.

Но жили хорошо, ни в чем себѣ не отказывая.

Черкасов обошел конюшни. Потрепал любовно «Абрека», рыжого жеребца с завода графини Бронницкой, и угостил его сахаром, до котораго он был большим лакомкой. Борзые узнали прѣзжаго и рвались на цѣпях к нему с радостным лаем. Сеттер - Гордонъ «Рогдай» и прандец «Реке», сопровождали во время обхода, как вѣрные тѣлохраните-

ли. Помахивали хвостами, забѣгали один перед другим и ревливо огрызались за право быть первым. Утки уткнувъ свои плоскіе носы в чистую воду пруда, довольно побрякивали, продѣлывая самыя разнообразныя акробатическія упражненія. Голуби, воркуя, слетались в надеждѣ на дополнительную кормежку кукурузным зерном, ими столь любимым. Турмана кружились в воздухѣ, переворачиваясь через головы и блестя на солнцѣ бѣлнзной оперенія.

Кот Васька лѣниво мурлыкалъ на подоконникѣ кухни, поглядывая полузакрытыми сонными глазами на двух воробушков, старавшихся украсть хлѣбную мякишь из оставленной им недоѣденной миски.

Пріятное чувство тепла и уюта разливалось по всему существу Коли Черкасова, радостнаго сознаніемъ быть у себя дома и только на порогѣ своего трехмѣсячнаго отпуска.

Вечером, вооружившись двухстволкой, в сопровожденіи Рогдая, он поплылъ на плоскодонкѣ к островку, заросшему камышами, расположенному на самой серединѣ Большого Пруда, гдѣ он зналъ уютись в изобиліи кряквы, чирки и другія породы уток.

Вода неподвижно зеркальна.

Только нарядка шаловливый вѣтерок пробѣжит по ней, оставляя за собой рябь, как будто кто то метлой прошелся и скоро все замирает вновь. То тут, то там, вынырнет рыбка и тотчас скроется в прохладѣ воды, оставляя за собой расходящіеся круги воды, серебрившіеся на солнцѣ. Плакучія